

Послеполуденный свет в кафе был мягким донельзя, тени от уличных деревьев косыми узорами ложились на стекло, то замирая, то покачиваясь от порыва ветра.

Сяо Минь сидела в укромном углу за столиком, машинально поглаживая пальцем край чашки — остывший кофе давно превратился в ледяную жижу.

Напротив неё сидел Лунь, всё с тем же невозмутимым выражением лица. Рядом с ним стояла сумка для фотоаппарата, а на столе лежали две стопки проявленных фотографий — окончательный вариант для конкурса, и на каждой была запечатлена она сама.

В воздухе витал аромат обжаренных зёрен, но он не мог заглушить тугой узел тревоги, что всё сильнее давил ей на грудь.

Прошло ровно три дня. Сцена с той пачкой розовых гигиенических прокладок, словно засвеченная плёнка, снова и снова проявлялась в её голове.

Тихий щелчок закрывающейся двери женского туалета, его невозмутимое движение, когда он вытирал руки, и режущий глаза вид рассыпавшихся вещей — всё это складывалось в единую цепь улик, словно тщательно спланированных.

Она пыталась убедить себя, что это просто недоразумение, но эти догадки становились всё более зловещими: что он делал, оставшись один в тёмной комнате, глядя на её фотографии? Не касались ли его пальцы интимных мест? И те прикосновения во время обучения фотографии — не были ли они ласками тайных, ещё не проявившихся желаний?

Каждый раз, когда она вспоминала его взгляд перед спуском затвора, ей казалось, что её колют невидимые иголки чужого подглядывания — липкого и тайного.

Она уставилась на фотографии на столе. Первая: её профиль под дождём, когда она растерянно пряталась под карнизом, серый тусклый свет, промокший край одежды плотно прилегает к телу. Вторая: миг смеха, слегка приподнятые уголки губ, а прохожие на заднем фоне размыты. Третья: обычный переулок, летящие пряди волос, когда она поворачивается, а воротник слегка расстёгнут. Каждая фотография была идеальна по фокусу, но теперь от них у неё возникало ощущение полной наготы.

Лунь пододвинул к ней одну карточку:

— Эта прошла отбор, здесь отличный баланс света и тени.

Его палец легко коснулся края фотобумаги — жест, который раньше заставлял её сердце биться чаще, теперь казался ей оглаживанием какого-то запретного плода.

Горло Сяо Минь сжалось, и она наконец выдавила:

— Лунь... я хочу кое о чём спросить.

Её голос звучал тихо, почти как шёпот, но в этой тишине он казался необычайно отчётливым.

Лунь поднял голову, его взгляд оставался спокойным и привычным.

— Мм?

Она глубоко вдохнула, сжав пальцами подол юбки под столом. В памяти вспыхнул тот момент, когда выпала пачка прокладок, а её розово-девичья упаковка насмешливо блестела под лампами.

— Пару дней назад... в клубе. У тебя упала сумка. Когда я поднимала её, то увидела внутри... женские прокладки.

Произнося эти слова, она чувствовала, как её лицо пылает до самых мочек ушей, а взгляд был прикован к чашке — она не смела поднять глаза.

Рука Луня замерла, он не ответил сразу.

Фоновые звуки кафе вдруг стали резкими: лёгкий звон посуды, шипение кофемашины, взбивающей молоко вдалеке.

Он просто молча смотрел на неё, а затем медленно опустил фотографии, которые держал в руках.

— Они мои, — его тон был будничным, будто он рассуждал о погоде. — И в чём проблема?

В голове Сяо Минь раздался резкий гул, словно ослепительная вспышка света от переэкспонированной плёнки поглотила абсолютно всё. Фраза «Это моё» прозвучала очень звонко, но она разрушила её последнюю линию обороны.

Не украдено, не кому-то отдано — это принадлежит ему! Она резко подняла голову и встретила с его глазами — глазами, которые прежде заставляли её чувствовать себя понятой, а теперь зияли бездной по ту сторону объектива.

Она представила, как он прячет эти вещи в сумку для фотоаппарата, носит их с собой, снимает, вглядывается, коллекционирует её изображения. Желудок скрутило от тошноты, паника накатила волной: он действительно извращенец, все эти прикосновения, взгляды, фотографии — сплошная ловушка!

— Ты... — она хотела спросить почему, хотела предъявить обвинения насчет возможных непристойностей, но из её горла вырвался лишь обрывавшийся хриплый звук.

Лунь слегка подался вперёд, собираясь что-то сказать, но она уже не могла слушать.

Воздух в кафе стал вязким, а фотографии на столе, словно улика, насмехались над ней. Она оттолкнула стул, ножки которого с пронзительным скрежетом проехали по полу, и выбежала

прочь.

Яркое солнце слепило глаза, на улице сновали прохожие, но ей казалось, что мир потерял фокус.

Она в панике бросилась вперёд, а в голове снова и снова эхом отдавалась фраза «Это моё», накладываясь на образ покотившейся гигиенической прокладки, тихий шорох двери женского туалета и его руку, поправляющую положение тела. Извращенец, кругом одни извращенец!

Почему она не догадалась раньше? Те моменты, когда за ней наблюдали, на самом деле были процессом нацеливания на добычу.

Она свернула в переулок, прижалась спиной к стене, тяжело дыша, и прижала руку к груди — её сердце колотилось, как затвор фотоаппарата, издавая щелчки: чёлк-челк. Вернувшись в общежитие, она заперла дверь, и комната погрузилась во мрак, похожий на проявочную ванночку.

Она разложила все фотографии и принялась изучать их одну за другой: силуэт одежды, прилипшей к телу под дождем, — неужели он рассматривал его через увеличительное стекло? Линии губ во время смеха — неужели их обводили пальцами?

Она представляла, как он сидит в глубокой ночи в одиночестве, а свет падает только на фотобумагу, и в этой темной комнате разыгрываются те пошлые сцены.

Страх вперемешку с тошнотой вызвали у нее спазмы в желудке. Ей хотелось удалить все сообщения, сжечь снимки, но пальцы замерли на экране: эти образы уже отпечатались в ее сердце, и их было невозможно смыть.

Ночь становилась все глубже. Лежа в постели и глядя в потолок, она чувствовала, как в голове крутится киноплёнка с перепутанными кадрами: розовый цвет прокладки, бело-голые стены женского туалета, его спокойный взгляд.

Зачем она во всем призналась? И что изменится от этого признания? Она вспомнила солнечный свет при их первой встрече и те слова: «Отлично». Когда-то ее сердце замерло от них, а теперь они казались лишь приманкой.

Извращенный взгляд исподтишка прятался за объективом с самого начала.

Она приподнялась на постели и дрожащими руками выдвинула ящик. Дневник раскрылся, кончик ручки долго висел в воздухе, а капля туши расплылась маленьким пятном, похожим на темное пятнышко в душе. В памяти промелькнул привычный образ Сяо Луня — сколько же не проявившихся до конца тайн скрывалось за ним? Наконец она вывела: «Правда похожа на щелчок затвора — звучит отчетливо, но от нее не скрыться».